

Родственники из боковых ветвей шумели в вилле всё утро и начали расходиться лишь к полудню.

Гостиная осталась в беспорядке: крошки и остатки угощений на полу, чашки расставлены как попало. Слуги лениво стояли по сторонам, никто не торопился убирать.

Тётушка Чжан прислонилась к стене и командовала молодыми служанками, сама даже не желая наклониться.

На заднем дворе собирались делать ремонт, и рабочие привезли несколько больших коробок со стройматериалами. Их сложили у входа высоким тяжёлым штабелем. Рабочие выгрузили всё и уехали, а переносить тяжести во двор никто не хотел.

Тётушка Чжан посмотрела на коробки, затем на Су Няньаня, который убирал остатки после гостей в углу, и глаза её заблестели новой идеей.

— Эй, ты там. Коробки у двери перенеси на задний двор. Там материалы для ремонта. Если из-за тебя работа задержится и господин спросит, ты ответишь за последствия?

Остальные слуги тут же подхватили, дружно сваливая работу на Су Няньаня.

— Вот именно. Всё равно без дела стоишь. Они совсем не тяжёлые, что тебе стоит перенести?

— Нам ещё гостиную убирать. Где нам таскать коробки? Давай быстрее.

Су Няньань только что собрал со стола остатки еды и не успел даже вымыть руки, как его уже вытолкнули к двери.

Он посмотрел на несколько огромных коробок со стройматериалами. На картоне были обозначены большие значения веса; каждая коробка весила несколько десятков цзиней, а вместе они возвышались почти над его головой.

Су Няньань был худым и не особенно сильным. Глядя на эту тяжесть, он невольно испугался. Но отказаться или возразить не посмел — только молча кивнул и подошёл к первой коробке.

Он нагнулся, ухватился обеими руками за края и, стиснув зубы, попытался поднять.

Коробка оказалась очень тяжёлой. Спина тут же согнулась под весом, на руках выступили жилы, шаг стал шатким.

Но Су Няньань не капризничал, не жаловался на усталость и не сетовал. Просто молча нёс

тяжёлую коробку, шаг за шагом двигаясь к заднему двору.

Жёсткое покрытие больно давило на ступни. Коробка впивалась в плечо. Очень скоро одежда промокла от пота и холодно прилипла к спине.

Одна коробка. Вторая. Третья...

Он ходил туда-сюда без остановки и ни разу не пожаловался.

Пот стекал со лба и попадал в глаза, заставляя щипать. Су Няньань лишь вытирал лицо рукавом и снова брался за работу.

Руки ломило так, что их почти невозможно было поднять. Картон натёр плечи до красноты, местами содрал кожу, и каждое прикосновение отзывалось болью. Но Су Няньань продолжал терпеть. Нельзя быть изнеженным, нельзя отступить.

Он знал: у него нет права жаловаться. В доме Лу ему и положено выполнять такую тяжёлую, грязную работу и молча переносить усталость.

Лу Чжиянь сидел на балконе второго этажа с чашкой кофе и спокойно наблюдал за происходящим внизу.

Он прекрасно видел, как Су Няньань таскает тяжести: как его худое тело сгибается под коробкой, как одежда промокает от пота, как он стискивает зубы и заставляет себя идти дальше.

Но взгляд Лу Чжияня оставался ровным, без всяких эмоций.

По его мнению, Су Няньань и должен был это делать.

Семья Су прислала его сюда прислуживать. Значит, и грубая работа, и тяжёлые поручения были для него естественны. Перенести коробки, убрать за гостями — обычные обязанности, в которых не было ничего заслуживающего внимания.

Терпение Су Няньаня, отсутствие жалоб, его молчаливые усилия — всё это Лу Чжиянь считал само собой разумеющимся.

Декорация, пешка — и должна вести себя смирно и выполнять то, что ей по силам.

Он не собирался жалеть Су Няньаня, не собирался спускаться и помогать, не собирался говорить ни единого слова утешения. Даже взгляд не задержался на нём дольше

необходимого.

Лу Чжиянь сделал лёгкий глоток кофе и посмотрел вдаль, словно фигура внизу, молча сгибающаяся под тяжестью, вовсе не заслуживала внимания.

Су Няньань не знал, что за ним наблюдают. Он думал только о том, чтобы закончить работу, не рассердить слуг и не вызвать недовольства Лу Чжияня.

Снова и снова он ходил от входа к заднему двору. Пот пропитал одежду насквозь, плечи онемели от боли, но Су Няньань не останавливался.

Наконец последняя коробка оказалась на заднем дворе. Он прислонился к стене и тяжело задышал. Всё тело было мокрым от пота.

Су Няньань вытер лицо и посмотрел на пустое место у входа. Ни обиды, ни жалости к себе — только тихое облегчение от того, что поручение выполнено.

Он не считал эту работу несправедливой и не чувствовал себя несчастным. К такой жизни Су Няньань давно привык — молча принимать всё, что на него взваливают.

А Лу Чжиянь на балконе уже отвёл взгляд. В его сердце по-прежнему не было никаких эмоций.

Для него это оставалось самым обычным делом, а молчаливые усилия Су Няньаня — чем-то естественным и само собой разумеющимся.

<http://bllate.org/book/20587/2058866>